

А.В. Топорова

**К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ
«НОВОЙ ЖИЗНИ» ДАНТЕ**

Аннотация

В статье рассматривается проблема жанровой принадлежности «Новой жизни» Данте Алигьери. Анализ структуры текста, «идеологических» установок его автора, стремящегося представить свой текст как значимый, стоящий в одном ряду с сочинениями латинских auctoritas, а также существующего литературного контекста, позволяет отнести «Новую жизнь» к распространенному в Средние века жанру комментария (самокомментария как его разновидности).

Ключевые слова: средневековая литература, Данте Алигьери, «Новая жизнь», поэтика жанра, комментарий.

Toporova A.V. To the problem of the genre of Dante Alighieri's La Vita Nuova

Summary. We examine the genre of Dante Alighieri's La Vita Nuova. The structure of the text, the «ideological» views of its author, who seeks to highlight the text's importance by placing it alongside works of Latin auctoritas, and the literary context of the time allow us to attribute La Vita Nuova to the popular medieval genre of commentary (or self-commentary, to be precise).

Проблема жанровой принадлежности «Новой жизни» Данте Алигьери до настоящего времени остается неразрешенной. Исследователи пытаются отнести это произведение к тому или иному жанру, проследить, особенности каких жанров переплетаются в нем, или по крайней мере выявить его сходство с известными в то время жанрами. Все эти попытки хотя и проясняют структуру дантовской «книжицы» (*libello*), как называет ее сам автор, но не отвечают на главный вопрос: какому жанру соответствует «Новая жизнь».

Чаще всего в качестве ближайших жанровых аналогов «Новой жизни» упоминаются «Исповедь» Августина, «История моих бедствий» Абеяра, «О своей жизни» Гвиберта Ножанского, жизнеописания провансальских трубадуров (*vidas*), предваряющие их стихи, и краткие объяснения к самим стихам (*razos*), «Утешение философией» Боэция, жития святых¹. Высказывалось даже предложение рассматривать «Новую жизнь» как средневековый «роман воспитания»². А в одном из недавних исследований «Новая жизнь» трактуется как элегия в средневековом понимании этого термина, т.е. как «жалостливое» произведение, элегический прозиметр, «книга несчастья»³. Но ни одно из этих сопоставлений и жанровых характеристик не исчерпывает и, по сути, не определяет своеобразие дантовского произведения.

Почти все обращавшиеся к анализу «Новой жизни» отмечали ту важную роль, которую играет в ней комментарий, техника истолкования, интерпретации. В самом деле уже первые слова «Новой жизни» содержат указание на поэтику этого сочинения: «В этом разделе книги моей памяти, до которого лишь немного заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: “*Incipit vita nova*”. Под этой рубрикой я нахожу слова, которые я намерен воспроизвести в этой малой книге, и если не все, то по крайней мере их сущность»⁴. В этих словах кроется, на наш взгляд, указание на жанр этого произведения. Данте обозначает свою задачу – передать смысл, сущность того, что содержится в книге памяти, т.е. речь идет не просто о ее воспроизведении, а об истолковании, комментировании. Сам Данте выступает как *translator* в средневековом смысле этого слова, «передатчик» скрытого и не всегда понятного для посторонних смысла «книги памяти». Это вполне осознанная позиция, которой Данте будет придерживаться на всем протяжении «Новой жизни».

Во II главе Данте вновь говорит о принципе отбора материала: «И так как рассказ о чувствах и поступках столь юных лет может некоторым показаться баснословным, я удаляюсь от этого предмета, оставив в стороне многое, что можно было извлечь из книги, откуда я заимствовал то, о чем повествую, и обращусь к словам, записанным в моей памяти под более важными главами»⁵. А в XXVIII главе, объясняя свой отказ подробно описывать смерть Беатриче, Данте ссылается на начальные слова своего

произведения, подтверждая свое право говорить не обо всем, а лишь о том, что сочтет нужным: «Не отрицая того, что следовало бы в настоящее время рассказать хотя бы немного о том, как она покинула нас, я не собираюсь говорить об этом здесь по трем причинам: во-первых, потому, что это не входит в мои намерения, что станет ясным, если мы обратимся ко вступлению к этой малой книге; во-вторых, даже бы если я и решился сказать о происшедшем, язык мой не был бы в состоянии повествовать так, как надлежит; в-третьих, если бы даже отпали первые две причины, мне не приличествует говорить об этом, так как я стал бы превозносить самого себя, что особенно заслуживает порицания; поэтому я предоставляю эту тему другому комментатору»⁶. В последних словах приведенной цитаты содержится уже эксплицитное упоминание о той роли, которую приписывает себе Данте-комментатор.

Таким образом, жанр «Новой жизни» целесообразно обозначить как комментарий. Жанр комментария, пришедший в средневековую западноевропейскую литературу из античности, особое распространение получил в XIII в. в связи с переводами античных текстов на народные языки. В новой культурной среде многое из этих текстов было непонятно и требовало объяснения⁷. В эту эпоху появляется целый ряд комментированных переводов. Так, Джованни ди Бенинато пишет комментарий к Боэцию, переведенному на вольгаре Альберто делла Пьянджентина; Брунетто Латини комментирует перевод (не исключено, что собственный) «О нахождении» Цицерона; Андреа Ланча переводит и комментирует Овидия («*Ars amatoria*» и «*Remedia amoris*»), переводит Валерия Максима («*Facta et dicta*») и перерабатывает существующий комментарий (кстати, он составил и комментарий к «Божественной комедии»). С другой стороны, стимулом для развития жанра комментария становится в это время распространение школ и создание университетов, что резко повысило потребность в интерпретации текстов.

Латинское обозначение этого жанра – *commentarius* – связано с двумя корнями, имеющими значение 'думать, обдумывать, выдумывать' и 'помнить, вспоминать' (лат. *commentari, comminisci, cum+memini*). Соответственно, слово «комментарий» также имеет два значения: 1) воспоминание (мемуары, говоря современным языком) о событиях, в которых автор принимал участие (ср.: «О галльской войне» и «О гражданской войне» Юлия Цезаря;

а также *Commentarii pontificum*, содержащие записи-воспоминания об официальных действиях понтификов и копии документов, или *Commentarii dei magistrati*, пришедшие в Рим с Древнего Востока записи актов, относящихся к государственной деятельности царей, придворных чиновников и т.п.; сюда же относятся и некоторые средневековые хроники); 2) толкование, объяснение текста (например, комментарии Августина к Псалмам)⁸.

В «Новой жизни» мы имеем дело с обоими значениями этого термина. Первая ступень – это воспоминания о событиях собственной жизни, пропущенные через фильтр авторского отбора и интерпретации. Как уже говорилось, Данте не просто копирует «книгу памяти», а выбирает из нее то, что отвечает поставленной задаче – показать суть «новой жизни» (жизнь, преображенная любовью), причины ее возникновения (встреча с Беатриче, ее спасительное приветствие), ее развитие (краткая история «земных» отношений с Беатриче, приобретающая после ее смерти «небесную» перспективу) и ее конечную цель (ср. заключительные слова: «Так, если соблаговолит Тот, кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней [Беатриче. – *A.T.*] то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик того, “*qui est per omnia saecula benedictus*”»). Отобранный материал Данте интерпретирует для более глубокого понимания; к этому пласту комментариев относятся рассуждения о времени встреч, в основе которого лежит троичная символика, о цветах одежды Беатриче (кроваво-красный и ослепительно белый), о видениях Амора. Что касается «явлений» Амора, то они сочетают в себе изложение материала из «книги памяти» и экзегетические попытки. Созерцание Амора, держащего в руках Беатриче и кормящего ее сердцем Данте, относится к первичному слою текста, а «размышления о виденном» – ко вторичному: «Тогда я начал размышлять о виденном и установил, что час, когда это видение мне предстало, был четвертым часом ночи: отсюда ясно, что он был первым из последних девяти ночных часов»⁹ (вновь числовая символика). Порой комментатор оказывается не в состоянии дать объяснение отдельным сценам из «книги памяти». Так, слова Амора – «Я подобен центру круга, по отношению к которому рав-

но отстоят все точки окружности, ты же нет» – вызывают недоумение Данте-персонажа, которое не разрешает и Данте-комментатор.

Вторая ступень – это прозаический комментарий к собственным стихам. Важно, что и стихи Данте тщательно отбирает; он неоднократно указывает на то, что далеко не всё из написанного им он помещает в свое произведение: «...Я написал для нее несколько малых стихотворений, из которых достойны быть упомянутыми здесь лишь те, которые относятся к Беатриче; поэтому я оставляю их в стороне, за исключением того небольшого, что может послужить для прославления благороднейшей»; или: «И я избрал имена шестидесяти самых красивых дам того города, где моя дама родилась по воле Всевышнего, я сочинил послание в форме сирвентезы, которое я здесь приводить не буду. И я совсем бы не упомянул о нем, если бы в этом послании имя моей дамы не соблаговолило чудесно прозвучать среди других имен на девятом месте»¹⁰.

Структурно глава «Новой жизни» выглядит следующим образом: описание обстоятельств, подвигнувших Данте к написанию стихотворения, само стихотворение, комментарий к нему. В той части «Новой жизни», где, описываются события после смерти Беатриче, порядок следования меняется – сначала идет комментарий, затем стихотворение. По словам Данте, цель такого изменения – уподобить канцону «неутешной вдовице»¹¹, передать всеобъемлющее чувство вдовства. К этому же этапу относится и перемена стиля – от анализа собственных душевных переживаний к хвале, воздаваемой Беатриче: «Мне надлежит овладеть новым повествованием, более благородным, чем предыдущее»¹². Как правило, комментарий краток, он содержит деление (*divisio*) стихотворения с указанием, о чем говорится в каждой части. Иногда присутствуют дополнительные объяснения, касающиеся более общих вопросов литературы и языка, на чем мы остановимся ниже. Может создаться впечатление, что дантовские комментарии к собственным стихам опираются на традицию провансальских *gazos*, которые объясняли смысл поэтического сочинения, сообщали сведения о лицах, упоминаемых в нем, иногда описывали процесс создания стихотворения. На первый взгляд, то же имеет место и в «Новой жизни».

Впрочем, сразу же обращают на себя внимание деления, сопровождающие, за небольшим исключением, каждое стихотворение «Новой жизни». Обычно они немногословны, формальны и, казалось бы, не содержат особой информации, ср.: «Сонет разделен на три части: в первой я сообщаю, когда я узрел на своем пути Амора и в каком облике он мне явился; во второй передано то, что он мне сказал, хоть и не полностью, из страха открыть мою тайну; в третьей я говорю, как он исчез от взоров моих». Вторая часть начинается: «По имени»; третья: «И столь»¹³. Не вполне понятна и их функция – хотя Данте неоднократно упоминает о том, что деления нужны для прояснения смысла стихотворения, в том виде, в котором они даны, они не особенно облегчают процесс понимания. Они существуют параллельно поэтическому тексту как нечто, казалось бы, необязательное¹⁴. Именно так их долгое время и воспринимали. Скажем, Боккаччо, переписывавший «Новую жизнь», выносил на поля заметки о делении стихов, по-видимому, считая их излишними. Боккаччо объяснял, что деления – это глоссы, а глоссы должны находиться на полях текста, а также ссылался на то, что Данте, по воспоминаниям знавших его людей, жалел, что включил деления в текст; таким образом, Боккаччо «исправил» Данте, как бы исполнив его волю. Тенденция опускать деления в изданиях «Новой жизни» продержалась вплоть до XX в.: первое полное издание появилось только в 1907 г.¹⁵

Вопрос о функции делений по-прежнему занимает исследователей «Новой жизни». Одни говорят о целостности произведения, включающего в себя лирику, повествование и деления, в соответствии с богословски выстроенной парадигмой книги памяти¹⁶; другие рассматривают деления как часть поэтического смысла «Новой жизни», понимаемого как изображение собственного пути к еще неведомой цели¹⁷; третьи считают, что деления раскрывают те идеи, которые стоят за стихами; если стихи представляют метафорический смысл, то деления – неметафорический, буквальный¹⁸. Все эти объяснения указывают на важные особенности «Новой жизни», но, на наш взгляд, не полностью отвечают на поставленный вопрос о роли делений в тексте.

Гораздо более убедительным представляется точка зрения тех исследователей, которые пишут о делениях как об одном из методов осуществления общей стратегии Данте по созданию своего

образа как *auctor*¹⁹ на народном языке. *Auctor* было в Средние века техническим термином, этимологически связанным с понятием авторитета – *auctoritas*. По мнению некоторых ученых, слово *auctor* относилось к тексту, а не к человеку, сам же автор обозначался как *artifex* 'ремесленник'²⁰. Похоже, что к Данте такая интерпретация не подходит, поскольку для него характерно острое осознание своей индивидуальности, непохожести на других авторов. Думается, что определение «новый», стоящее в заглавии его сочинения, можно отнести не только к новому содержанию или новому стилю, как это делалось до сих пор, но и к новому представлению себя в качестве «современного» автора. Вспомним, что приблизительно в это же время возникает понятие «современной проповеди» (*sermo modernus*), ориентированное на использование достижений схоластики, в первую очередь логического анализа и деления на пункты и подпункты.

«Новую жизнь» Данте строит по образцу текста с академическим комментарием к нему. Как правило, такой подход применялся к значимым произведениям, воспринимаемым как авторитетные источники (как правило, это были библейские или классические тексты), и назывался *accessus ad auctores*. Он начинался кратким введением, в котором обозначались следующие аспекты: название (*titulus*); содержание (*materia*); намерение автора (*intentio scribentis*); характерные особенности, форма (*modus*); польза (*utilitas*); указание на раздел философии, к которому его можно отнести (*cui parte philosophiae supponitur*). Кроме того, академический комментарий предполагал деление текста для лучшего понимания и запоминания, прием, описанный в «Риторике к Гереннию» и воспроизведенный в многочисленных средневековых *Artes dictaminis*²¹, усвоивших к тому же и уроки схоластики. Таким образом, Данте вписывается в широко распространенную традицию комментирования текстов, которую он трансформирует, превращая схоластический комментарий в элемент поэтики, делая его частью художественного текста²². Подлинно новым является и то, что в качестве объекта комментирования он избирает свои собственные сочинения.

Надо сказать, что для Данте характерна постоянная литературная рефлексия и саморефлексия. «Новая жизнь» – это произведение не только об опыте юношеской любви Данте, преобразившей

его жизнь и обозначившей ее перспективы, но и о его творчестве, представленном на фоне художественной литературы на вольгаре. Неоднократно отмечалось, что стихи «Новой жизни» расположены по циклам, несущим на себе влияние ряда поэтов – провансальских, сицилийско-тосканских, а также Чино да Пистойя, Кавальканти, Гвиниццелли, – способствовавших выработке собственного поэтического стиля. Свою манеру письма Данте осознает как самостоятельную, новую, способную к эволюции; он подвергает ее анализу на страницах своей «книжицы»: «Тогда я сказал: “О дамы, целью моей любви раньше было приветствие моей госпожи, которая, конечно, вам известна”. В приветствии этом заключались все мои желания. Но так как ей угодно было отказать мне в нем, то по милости моего владыки Амора мое блаженство я сосредоточил в том, что не может быть от меня отнято. [...] “В словах, восхваляющих мою госпожу”. Тогда обратилась ко мне та, что говорила со мной: “Если сказанное тобой – правда, те стихи, которые ты посвящал ей, изъясняя твое душевное состояние, были бы сложены иначе и выражали бы иное”. Тогда, размышляя об этих словах, я удалился от них почти пристыженный, и шел, говоря самому себе, “если столь велико блаженство в словах, хвалящих мою госпожу, почему иною была моя речь?” Тогда я решил избирать предметом моих речей лишь то, что могло послужить для восхваления благороднейшей дамы»²³. Из приведенных слов очевидно, что жизнь и литература для Данте взаимопроницаемы, обстоятельства жизни формируют стиль, а литературное слово дарует блаженство, т.е. становится жизнью. Столь высокий статус слова отсылает нас к библейскому прототипу – к Слову, творящему мироздание.

Размышляет Данте не только над собственным стилем, но и над литературой в целом. XXV глава «Новой жизни» представляет собой литературоведческий пассаж, излишний для фабулы, но чрезвычайно важный «идеологически». В нем Данте рассуждает о рифмованных стихах на народном языке, о их сходстве и отличии от латинских стихов, а также о приеме персонификации, приближающейся к аллегории. Эти рассуждения фундаментальны для обозначения места собственного творчества в существующем литературном контексте. Так же следует воспринимать и постоянные объяснения собственных действий, например выбор народного

языка: «Еще исходя слезами в опустошенном городе, я написал к земным владыкам о его состоянии, взяв следующее начало у Иеремии: “*Quomodo sedet sola civitas*”. И я говорю это, чтобы не удивлялись, почему я привожу эту цитату в начале, как введение в новое содержание. И если кто-либо счел нужным укорять меня за то, что я не записываю здесь те слова, которые последовали за приведенными, в оправдание свое скажу, что с самого начала я решил писать только на языке народном, слова же письма, которое я привел, все латинские, и, воспроизводя их, я нарушил бы то, что предполагал сделать. Таково было и мнение первого моего друга, для которого я пишу, т.е. чтобы я писал для него лишь на языке народном»²⁴. Косвенное упоминание Гвидо Кавальканти («первого друга») важно прежде всего как обозначение той литературной среды, на которую Данте ориентируется, частью которой он себя ощущает и которую он в значительной степени сам формирует. В другом месте (глава XL) Данте пускается в подробное объяснение смысла слова «пилигрим», рассматривает его узкое и широкое значения, указывает, в каком значении он сам употребляет это слово в своем сонете.

Такая позиция по отношению к собственному творчеству уникальна. В средневековой литературе существуют отдельные примеры самокомментариев (ср. комментарий Никколо деи Росси к собственной канцоне «*Color di perla*» или псевдоюридический комментарий на латыни к собственным «*Documenti d'Amore*», написанным на вольгаре, Франческо да Барберини), но они не идут ни в какое сравнение с дантовским самокомментарием в «Новой жизни» – ни по охвату материала, ни по глубине анализа, ни по масштабности перспективы, включающей в себя весь литературный контекст эпохи. Самокомментарий определяет структуру «Новой жизни», проясняет ее смыслы, формирует ее жанр. И в дальнейшем Данте не откажется от техники самокомментирования – в «Пире», в письмах (ср.: письмо к Кан Гранде делла Скала о «Комедии»), в «Божественной комедии», – но нигде она не будет представлена в столь завершенном и совершенном виде, как в «Новой жизни».

- ¹ Ср. лишь некоторые работы на эту тему: *Schiaffini A.* Tradizione e poesia nella prosa d'arte italiana dalla latinità medievale a G. Boccaccio. – Genova, 1934; *De Robertis D.* Il libro della Vita nuova. – Firenze, 1961; *Андреев М.Л.* Данте. – История литературы Италии. Т. I. Средние века. – ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – С. 325–331.
- ² *Barberi Squarotti G.* L'ambiguità della «Vita nuova». – Firenze, Olschki, 1972.
- ³ *Carrai S.* Dante elegiaco: una chiave di lettura per la Vita nova. – Firenze, Olschki, 2006. – P. 36.
- ⁴ Цит. по: *Данте Алигьери.* Малые произведения. Издание подготовил И.Н. Голенищев-Кутузов. – М.: Наука, 1968. – С. 7.
- ⁵ Там же. – С. 8.
- ⁶ Там же. – С. 39–40.
- ⁷ Как пишет Б. Зандкюлер, потребность в комментарии возникает в двух случаях: 1) когда текст трудно понимать, поскольку в нем говорится о сложных, часто духовных, вещах; и 2) когда изменяется эпоха, и читатель уже не может понять то, что было очевидно вначале. *Sandkühler B.* Die frühen Dantekommentare und ihr Verhältnis zur mittelalterlichen Kommentartradition. – München, 1967. – S. 13.
- ⁸ Такое объяснение предлагает Энциклопедия Треккани.
- ⁹ *Данте Алигьери.* Малые произведения. – С. 9.
- ¹⁰ Там же. – С. 10.
- ¹¹ Там же. – С. 41.
- ¹² Там же. – С. 22.
- ¹³ Там же. – С. 14.
- ¹⁴ Например, Дж. Фолена отмечает, что такого рода объяснения скорее сопровождают текст, чем его комментируют. *Folena G.* Scrittori e scritture. Le occasioni della critica. – Bologna, 1997. – P. 85.
- ¹⁵ *M. Barbi.* La Vita Nuova di Dante. – Firenze, 1907.
- ¹⁶ *Singleton Ch.S.* An essay on the Vita Nuova. – Cambridge, 1949.
- ¹⁷ *A. D'Andrea.* La struttura della Vita Nuova: le divisioni delle rime // Yearbook of Italian Studies 4 (1980). – P. 13–40.
- ¹⁸ *Roush Sh.* Hermes' lyre: Italian poetic self-commentary from Dante to Tommaso Campanella. – Toronto, 2002. – P. 25–51. Автор видит сходство с евангельской моделью, когда Христос внешним говорил притчами, а ученикам объяснял суть этих притч.
- ¹⁹ *Hanna R., Hunt T., Keightley R.G., Minnis A., Palmer N.F.* Latin commentary tradition and vernacular literature – The Cambridge History of Literary Criticism. Ed. by A. Minnis, J. Johnson. – Cambridge University Press, 2005. – P. 363–421; *Baransky Z.G.* Dante and Medieval Poetics – Dante: Contemporary perspectives. Ed. by A.A. Iannucci. – Toronto, 1997. – P. 3–23; *Baransky Z.G.* Dante Alighieri: Experimentation and (self)exegesis – The Cambridge History of Literary Criticism. Op. cit. – P. 561–582; *Ascoli A.R.* From Auctor to Author: Dante before the

- Commedia* – Cambridge Companion to Dante. Ed. Rachel Jacoff. – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 46–66; *Ascoli A.R.* Dante and the Making of a Modern Author. – Cambridge University Press, 2008.
- ²⁰ *Beaudin A.L.* Medieval Markup: The Rhetoric of Commentary, 2010. – P. 5. – https://www.academia.edu/6526076/Medieval_Markup_The_Rhetoric_of_Commentary
- ²¹ Ср. у Бона Джамбони: «Пишущий... должен раскрыть тему, на которую он собирается говорить. Для этого пусть он прибегает к делениям, т.е. показывает, о скольких вещах он должен говорить, и показывает порядок, которого он будет придерживаться» («Il dicitore... debbia aprire la materia sopra la quale intende di dire. Appresso faccia sue divisioni, cioè mostri sopra quante cose dee dire, e apra l'ordine che dee tenere» – Bono Giamboni. Fiori di rettorica. A cura di G.B. Speroni. – Pavia, 1994. – P. 57–58.
- ²² См.: *Keleman J.* Carattere e funzione degli autocommenti di Dante, 2011. – P. 49. – <http://pendientedemigracion.ucm.es/info/italiano/acd/tenzone/t12/Kelemen.pdf>
- ²³ *Данте Алигьери.* Малые произведения. Цит. соч. – С. 22–23.
- ²⁴ Там же. – С. 41.